

ЕКАТЕРИНА
МОРОЗОВСКАЯ

ИЗМЕНА

Измени мою душу

Екатерина Мордвинцева

Измена. Излечи мою душу

<https://litres.ru/74211547>

Аннотация

Она жила в иллюзии идеальных отношений, пока не нашла в кармане его пиджака чужой шарфик. Он ждал её шестнадцать лет, оставаясь просто другом. Одна ночь всё меняет. Но можно ли построить счастье на руинах прошлого? И что делать, когда новый поворот судьбы ставит под сомнение всё, во что она успела поверить?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	24
Глава 3	45
Глава 4	66
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Глава 1

Лиссабон встречал её солнцем, которое даже в шесть вечера не желало уступать небо прохладе. Снежана стояла у огромного панорамного окна конференц-зала на двадцать втором этаже делового центра, и город растекался под ней бесконечной мозаикой черепичных крыш, изогнутых улиц и далёкой синевы Тежу.

Она чувствовала этот момент. Всей кожей, каждой клеткой. Тот самый момент, когда ты сделала всё, что должна была сделать, и сделала это чёртовски хорошо.

— Снежана Сергеевна, потрясающе! — к ней подошёл португальский партнёр, седовласый Жуан, чей английский пестрел очаровательными ошибками. — Я работаю в этой сфере двадцать лет, но вашу презентацию запомню надолго. — Спасибо, Жуан. Это командная работа.

Она улыбнулась той самой улыбкой — уверенной, но не высокомерной, открытой, но не наивной. Этой улыбке она научилась за пять лет в международном отделе крупной строительной корпорации. Улыбка говорила: «Я здесь, чтобы выигрывать, но я не буду переступать через вас, если вы не вынудите».

Конференц-зал постепенно пустел. Кто-то из участников переговоров уже ушёл праздновать успешное подписание контракта, кто-то остался обмениваться визитками и дежурны-

ми любезностями. Снежана чувствовала лёгкую пульсацию в висках — верный признак того, что адреналин, державший её на плаву последние четыре часа, начал спадать.

— Вы летите сегодня? — спросила Мария, её коллега из московского офиса, подходя с двумя чашками кофе.

— Утренним рейсом. Спасибо, — Снежана приняла чашку, сделала глоток. Горький, крепкий, настоящий. — Сергей меня заждался, наверное.

Мария посмотрела на неё с той долей скептицизма, которую Снежана научилась игнорировать.

— Он приедет встречать?

— У него важные переговоры завтра утром. Я сама доберусь.

— Ясно, — Мария пожала плечами, но в её интонации промелькнуло что-то, что Снежана предпочла не разбирать. — Тогда до понедельника в офисе?

— До понедельника.

Они обменялись короткими объятиями — чисто формальными, деловыми. Снежана не любила, когда в её личное пространство вторгались без необходимости, но в этой среде приходилось соответствовать ожиданиям.

Оставшись одна, она подошла к окну. Внизу, на набережной, зажигались огни. Город готовился к ночи, а она — к возвращению. В телефоне мигнуло уведомление.

Сергей: Как прошло?

Три слова. Ни смайлика, ни знака вопроса, который бы

передал интонацию. Просто констатация факта: он знал, что сегодня важный день, и поинтересовался. Этого должно было хватить.

Она напечатала ответ быстро, пальцы сами находили нужные буквы.

Снежана: Контракт подписан. Всё отлично. Завтра утром вылетаю.

Отправила. Посмотрела на экран. Ничего. Не «молодец», не «жду», не «рад за тебя». Она и не ждала. Честно. Последние полгода она привыкла, что Сергей — человек дела, а не слов. Он выражал чувства иначе. Она в это верила.

Поверила ещё раз.

Телефон снова ожил, но это был не Сергей.

Денис: Ну что, португальский король? Или королева? Кого ты там уделала своими презентациями?

Снежана усмехнулась. Денис Зотов, её лучший друг с первого курса университета, умел одним сообщением сбить градус серьёзности, который всегда накапливался в ней во время важных проектов.

Снежана: Я их всех. Методично и безжалостно. Теперь они мои.

Денис: Это я знал ещё на первом курсе, когда ты мне на экзамене по сопромату шпаргалку подбросила. Ты опасная женщина, Снежка.

Снежана: Ты сам меня попросил!

Денис: Я тебя попросил о помощи. А ты подложила мне

шпаргалку, которую сама же и написала, с кучей ошибок, чтобы меня спалили.

Снежана: Это был тест на доверие. Ты его провалил.

Денис: Я его провалил? Это я тогда чуть с универа не вылетел!

Она рассмеялась вслух. Где-то в глубине конференц-зала её смех отразился от стеклянных стен, и на секунду показалось, что она здесь не одна.

Снежана: Ты не вылетел. И спасибо моей «гениальной» шпаргалке ты начал учить материал сам, чтобы больше не попадать в такие ситуации.

Денис: Ты просто любишь всё контролировать. Даже мои ошибки.

Снежана: А кто-то должен.

Она ждала его ответа. Денис всегда отвечал быстро, словно держал телефон в руке двадцать четыре часа в сутки. Но сейчас задержался почти на минуту.

Денис: Сергей в курсе, что ты завтра возвращаешься?

Вопрос, который она ждала и одновременно боялась. Денис никогда не скрывал своего отношения к её отношениям. Не то чтобы он открыто критиковал Сергея, нет. Он был слишком умён для этого. Он просто задавал вопросы, которые она сама себе задавать не решалась.

Снежана: Да.

Денис: И как?

Снежана: Что «как»?

Денис: Обрадовался?

Она замерла. Палец завис над экраном. Честно ответить? Сергей не обрадовался. Он не спросил, как она себя чувствует после четырёх дней переговоров, не написал, что соскучился. Он просто констатировал факт её возвращения, как будто она выходила в магазин за хлебом.

Но она не могла сказать это Денису. Потому что тогда пришлось бы признать, что она сама это чувствует.

Снежана: Он занят. У него завтра важные переговоры.

Денис: Понятно.

Два слова, которые означали гораздо больше. «Понятно» — это «я ничего не понимаю, но спорить не буду». «Понятно» — это «ты снова его защищаешь». «Понятно» — это «я молчу, потому что ты не готова слушать».

Снежана почувствовала укол вины. Не перед Сергеем — перед Денисом. За то, что она делала из него соучастника её самообмана.

Снежана: Я соскучилась.

Денис: По кому?

Снежана: По тебе, идиот.

Денис: Ну это-то понятно. По кому ещё?

Она хотела написать «по Сергею», но пальцы замерли. По Сергею она скучала? Да. Наверное. Скучала по его присутствию в их квартире, по его запаху на подушке, по ощущению, что она не одна. Но скучала ли она по нему? По разговорам, которые они вели раньше? По его смеху? По тому,

как он смотрел на неё в первые месяцы их отношений?

Она не знала. И не хотела знать.

Снежана: Я позвоню, когда сяду в такси завтра. Хорошо?

Денис: Звони в любое время. Даже если будет три ночи.

Снежана: Ты спишь в три ночи, в отличие от некоторых.

Денис: Для тебя проснусь.

Она снова улыбнулась. Денис всегда так — лёгкий, весёлый, надёжный. Он был тем человеком, который появлялся в её жизни в самые странные моменты и оставался в ней, несмотря ни на что. Они познакомились на первом курсе архитектурного факультета, когда Снежана, приехавшая из небольшого городка под Воронежем, чувствовала себя потерянной в огромном московском университете. Денис, москвич до мозга костей, почему-то взял её под крыло. Не как девушку, за которой ухаживают, а как... как друга. Настоящего. Того, кто не просит ничего взамен.

Хотя иногда ей казалось, что он ждёт. Ждёт чего-то, чего она дать не может.

Или не хочет замечать.

Она убрала телефон в сумку, бросила последний взгляд на Лиссабон. Город был прекрасен. Она обязательно вернётся сюда когда-нибудь не по работе. Может быть, с Сергеем. Они давно не путешествовали вместе — сначала он был занят, потом она, потом оба. Жизнь превратилась в бесконечную череду командировок, встреч, контрактов и усталости, которую они списывали на работу.

— Сеньорита? — в дверях появился портье. — Машина подана.

— Спасибо.

Она взяла свою сумку на колёсиках, поправила пиджак. В зеркале у выхода отразилась высокая брюнетка в строгом сером костюме, с аккуратным макияжем и убранными в низкий пучок волосами. Снежана всегда говорила, что одевается как «успешная женщина из модного издания», и Денис каждый раз смеялся, что она выглядит старше своих двадцати восьми.

Сейчас ей показалось, что в отражении — чужая женщина. Слишком правильная, слишком собранная, слишком... одинокая.

Она тряхнула головой, отгоняя эту мысль. У неё есть Сергей. У неё есть дом. У неё есть работа, которую она любит. И через двенадцать часов она будет там, где должна быть.

Отель встретил её прохладой кондиционеров и запахом лилий в огромной вазе у ресепшена. Снежана поднялась в номер, сбросила туфли на каблуках, с наслаждением вытянув ноги. Номер был стандартным, но с видом на город, и в этом было что-то успокаивающее — знать, что где-то там, внизу, кипит жизнь, а ты можешь побыть в тишине.

Она приняла душ, переделалась в хлопковую пижаму — Сергей не любил, когда она спала в чём-то «старушечьем», но сейчас его нет рядом, и она могла позволить себе этот маленький бунт. Лёгкий ужин из фруктов и зелёного чая,

который ей принесли в номер, и она снова взяла телефон.

Было без пятнадцати двенадцать ночи по лиссабонскому времени. В Москве — два часа ночи.

Она знала, что Сергей не спит. Он всегда ложился поздно, особенно когда на следующий день были важные встречи. Она набрала его номер.

Гудки. Первый, второй, третий.

— Алло, — голос Сергея звучал глухо, как будто он говорил из другой комнаты.

— Привет. Не разбудила?

— Нет. Я в кабинете, работаю.

Она представила его в их домашнем кабинете: в очках для чтения, которые он терпеть не мог показывать при посторонних, в старой футболке, с чашкой остывшего кофе. Когда-то это зрелище казалось ей уютным. Сейчас — просто привычным.

— Контракт подписали. Всё прошло даже лучше, чем я ожидала.

— Я слышал, — он говорил так, будто она рассказывала о погоде. — Жуан звонил московскому представительству, хвалил твою презентацию.

— Он очень милый.

— Он хочет, чтобы ты курировала этот проект. Ты готова к дополнительной нагрузке?

Снежана моргнула. Она только что подписала самый крупный контракт в истории их отдела, а Сергей говорил о

ней так, будто она была... ресурсом. Человеческим ресурсом, который нужно оптимально загрузить.

— Я только вернулась, Серёж. Может, сначала отдохну?

— Ты же знаешь, что в нашей сфере отдыха не бывает, — в его голосе промелькнуло что-то, похожее на усмешку. — Я завтра на переговорах с китайцами. Если всё сложится, меня тоже не будет дома несколько дней.

Она хотела сказать, что её не было четыре дня, что она устала, что ей нужно хотя бы два выходных, чтобы прийти в себя. Но она знала, что это бесполезно. Сергей жил работой. И ждал того же от неё.

— Хорошо, — сказала она вместо всего, что хотела. — Я подумаю.

— Вот и умница. Во сколько твой рейс?

— В десять утра. Буду в Москве около четырёх.

— Я попрошу водителя тебя встретить.

— А ты?

— Что я?

— Ты не сможешь встретить?

Пауза. Длинная, тяжёлая, наполненная тем, что она не хотела в ней слышать.

— У меня переговоры в два. Я не успею.

— Ясно.

Она сказала это ровно, без упрёка. Но упрёк всё равно повис в воздухе, как запах дыма, который не выветривается.

— Снежана, — голос Сергея стал мягче, почти таким, ка-

ким он был в начале их отношений. — Я знаю, ты проделала большую работу. Я ценю это. Правда.

— Я знаю.

— Просто сейчас тяжёлый период. Ты же понимаешь.

— Понимаю.

— Мы всё наверстаем. Как только разгребём эти проекты, возьмём отпуск. Куда ты хочешь? На море? В горы? Выбери.

Она закрыла глаза. Он говорил это уже третий раз за последние полгода. И каждый раз «разгребём проекты» откладывалось на неопределённый срок.

— Хорошо, Серёж. Выберу.

— Вот и отлично. Спи, тебе завтра рано вставать.

— И ты ложись. Не засиживайся.

— Ладно.

Они попрощались, и она услышала в его голосе облегчение. Разговор закончился, обязанность выполнена — он позвонил, спросил, проявил участие. Можно возвращаться к важным делам.

Снежана положила телефон на тумбочку и уставилась в потолок. В номере было тихо. Слишком тихо. В Лиссабоне за окном пели цикады, где-то вдалеке слышалась музыка, но здесь, в этом идеально чистом, идеально стерильном номере, не было ничего живого.

Она снова взяла телефон. На экране высветилось сообщение от Дениса, отправленное полчаса назад.

Денис: Снежка, если не спишь, скинь фото Лиссабона. Хочу позавидовать твоей красивой жизни.

Она улыбнулась. Денис всегда знал, когда ей нужно отвлечься. Это пугало её иногда — насколько он её чувствует. Но сейчас она была благодарна.

Она сделала фото из окна — ночной Лиссабон, море огней, отражающихся в тёмной глади Тежу. Отправила.

Снежана: Завидуй. Это законно.

Ответ пришёл через несколько секунд.

Денис: Красотища. А где ты на этом фото?

Снежана: Я за кадром. Иначе твоя зависть была бы неуправляемой.

Денис: Ты права. Моё сердце бы не выдержало такого прекрасного зрелища.

Она рассмеялась. Денис был единственным человеком, который мог её рассмешить, когда она находилась на грани. Он делал это легко, без усилий, как будто смех был его суперсилой.

Снежана: Ты сегодня в ночную смену?

Денис: Какую смену? Я просто не сплю, потому что жизнь прекрасна.

Снежана: Ты опять играешь в эти свои стратегии до утра?

Денис: Может быть. А может быть, я жду, когда ты напишешь.

Она замерла. Сердце сделало лишний удар.

Снежана: Зачем?

Денис: Потому что ты в Лиссабоне, а я хочу убедиться, что у тебя всё в порядке. Иначе зачем тебе друг, который не спит в два ночи по московскому времени?

Она смотрела на экран, и где-то в груди разрасталось тепло. Не то жаркое, обжигающее тепло, которое она чувствовала когда-то к Сергею. Другое. Спокойное, ровное, как огонь в камине.

Снежана: У меня всё в порядке. Контракт подписан, Сергей доволен, завтра лечу домой.

Денис: А ты?

Снежана: Что я?

Денис: Ты довольна?

Она задумалась. Довольна ли она? Да, контракт подписан, работа сделана. Но внутри была пустота, которую она не могла заполнить ни успехом, ни звонком Сергея, ни даже этим разговором с Денисом.

Снежана: Да. Всё хорошо.

Денис: Снежка, ты сейчас врешь мне так же, как врешь себе.

Она резко села на кровати. Сердце забило быстрее. Откуда он... как он... Это было несправедливо. Он не имел права читать её так легко, когда она сама себя не понимала.

Снежана: С чего ты взял?

Денис: Я тебя знаю шестнадцать лет, Снежана. Шестнадцать лет. Ты пишешь «всё хорошо», когда всё плохо. Ты пишешь «я справлюсь», когда тебе нужна помощь. Ты гово-

ришь, что Сергей занят, когда он просто не хочет тебя видеть.

Каждое слово было ударом. Точным, выверенным, безжалостным. Она хотела обидеться, хотела написать что-то резкое, поставить его на место, но вместо этого её пальцы замерли, а глаза защипало.

Она не плакала. Она никогда не плакала из-за Сергея. Никогда не позволяла себе этого.

Снежана: Денис, пожалуйста.

Денис: Что «пожалуйста»? Чтобы я молчал? Я и так молчу. Я молчу уже два года, Снежка. Я смотрю, как ты таешь, как гаснешь, как ты становишься тенью самой себя. Я молчу, потому что ты не готова слышать. Но иногда мне кажется, что если я не скажу, то никто не скажет.

Она сжала телефон так сильно, что побелели пальцы.

Снежана: Денис, я устала. Я правда устала. Не сейчас.

Денис: Хорошо. Не сейчас. Но ты знаешь, где меня найти, когда будешь готова.

Снежана: Спасибо.

Денис: Не за что. Ложись спать. Завтра лететь.

Снежана: Спокойной ночи, Дэн.

Денис: Сладких снов, Снежка. И пусть Лиссабон приснится тебе таким же красивым, как ты.

Она улыбнулась сквозь слёзы, которые так и не пролились. Денис всегда умел говорить правильные слова в нужный момент. Возможно, слишком правильные. Возможно, именно

поэтому она так старательно не замечала их истинного смысла.

Она выключила свет, укрылась одеялом. В комнате было темно и тихо, и только где-то далеко, за стеной, слышался приглушённый голос телевизора — кто-то смотрел португальский сериал, не в силах уснуть.

Снежана закрыла глаза и представила, что будет завтра. Самолёт, такси, дом. Сергей, который, возможно, уже уйдёт на переговоры, когда она приедет. Пустая квартира, в которой всё на своих местах, но ничего не чувствуется.

Она заснула под эти мысли, и ей приснился Денис. Он стоял на набережной Лиссабона, смотрел на закат, а потом обернулся и улыбнулся. Просто улыбнулся, и от этой улыбки стало тепло, как от солнца.

Утро началось с будильника, который она поставила на семь. Снежана открыла глаза и несколько секунд не могла понять, где находится. Белый потолок, запах кондиционера, тишина. Лиссабон. Номер. Возвращение.

Она заставила себя встать, приняла душ, собрала вещи. В зеркале отражалась всё та же женщина в сером костюме, с идеальным пучком и лёгким макияжем. Только под глазами залегли тени, которые не скрывала даже тональная основа.

Она вышла из отеля в половине девятого, села в такси, которое должно было отвезти её в аэропорт. Водитель говорил по-португальски, она не понимала ни слова, но кивала в такт его речи, делая вид, что слушает.

В аэропорту она прошла регистрацию, сдала багаж, купила кофе и села у выхода на посадку. Телефон мигнул.

Сергей: Водитель встретит в четыре. Ключи под ковриком, если что.

Она посмотрела на сообщение. Ни «удачного полёта», ни «жду». Просто инструкция. Техническая информация.

Снежана: Хорошо. Спасибо.

Она хотела добавить что-то ещё, но не знала что. «Я соскучилась»? Она не была уверена, что это правда. «Я хочу тебя видеть»? Это было бы ложью. Сергей не появился бы на её встрече, даже если бы она попросила.

Она убрала телефон и посмотрела в огромное окно, где на взлётной полосе стоял её самолёт.

Денис: Счастливого полёта, Снежка. Не забудь взять плед, в самолётах всегда холодно.

Она усмехнулась. Денис знал, что она мёрзнет в самолётах. Он всегда это знал.

Снежана: Спасибо, мамочка.

Денис: Кто-то же должен о тебе заботиться.

Она не ответила. Не потому, что не хотела, а потому, что не знала, что сказать. Потому что если бы она ответила честно, пришлось бы признать, что Денис заботится о ней больше, чем Сергей. Что Денис помнит о её привычках, о её слабостях, о том, что она мёрзнет в самолётах. А Сергей даже не спросил, во сколько у неё вылет.

Она взяла плед из специального автомата — Денис научил

её когда-то, что в больших аэропортах можно взять плед в аренду — и направилась к выходу на посадку.

Самолёт взлетел ровно в десять. Лиссабон остался где-то внизу — пятно черепичных крыш, изгиб реки, мост, похожий на золотую нить. Снежана смотрела в иллюминатор, пока город не превратился в точку, а потом в облака.

Она попыталась читать, но слова не складывались в предложения. Попыталась посмотреть фильм, но не могла сосредоточиться. Вместо этого она сидела с закрытыми глазами и слушала гул двигателей, который казался ей самым честным звуком в её жизни. Ничего не обещает, ничего не требует. Просто везёт её туда, где она должна быть.

В Москве шёл дождь. Мелкий, противный, осенний — хотя на календаре была только середина сентября. Снежана вышла из самолёта и сразу почувствовала этот запах — смесь авиационного керосина, мокрого асфальта и городской суеты, который она называла «запахом дома».

Она прошла паспортный контроль, забрала багаж, вышла в зону прилёта. Водитель держал табличку с её фамилией — высокий мужчина в чёрной форме, который работал на Сергея уже третий год.

— Снежана Сергеевна, добро пожаловать, — он взял её сумку. — Машина на парковке.

— Спасибо, Андрей.

Они вышли на улицу, и дождь сразу же принялся барабанить по зонту, который предусмотрительно раскрыл води-

тель. Снежана села на заднее сиденье чёрного внедорожника, и машина плавно выехала с территории аэропорта.

Она смотрела на знакомый пейзаж за окном: многоэтажки, торговые центры, рекламные щиты. Всё было таким же, как всегда, и всё было чужим после четырёх дней в Лиссабоне. Там, на набережной Тежу, она чувствовала себя живой. Здесь, в этой машине, она чувствовала себя... возвращающейся.

Телефон завибрировал.

Денис: Прилетела?

Снежана: Да. В машине, еду домой.

Денис: Сергей встретил?

Она помедлила с ответом.

Снежана: Водитель.

Денис: Понятно.

Снова это «понятно». Она почти физически чувствовала, как Денис сдерживается, чтобы не сказать что-то ещё.

Снежана: Денис, не начинай.

Денис: Я и не начинаю. Я просто рад, что ты вернулась. Всё.

Снежана: Спасибо.

Денис: Позвони, как будешь дома. Хорошо?

Снежана: Хорошо.

Она убрала телефон и посмотрела на часы. Половина пятого. Сергей, наверное, уже на переговорах. Или уже закончил. Она не знала. Он не сказал.

Машина въехала в их жилой комплекс — элитный, с собственной охраной, подземным паркингом и видом на набережную. Когда-то, два года назад, когда они только въехали сюда, Снежана чувствовала себя героиней глянцевого журнала. Всё было новым, блестящим, обещающим.

Теперь этот же подъезд, эти же ковровые дорожки, эти же лифты с зеркальными стенами казались ей декорациями, которые давно пора снять.

Она поднялась на лифте на седьмой этаж, достала ключи из сумки. На секунду замерла перед дверью, прислушиваясь. Тишина. Сергей не вернулся.

Она открыла дверь и вошла.

Квартира встретила её запахом... ничем. Ни запаха еды, ни запаха парфюма Сергея, ни даже запаха уюта. Просто стерильная чистота, которую каждое утро наводила домработница.

Снежана прошла в прихожую, поставила сумку, сняла туфли. В гостиной было темно — шторы задёрнуты, свет не горит. Она включила свет и замерла.

Всё было идеально. Диваны расставлены под правильным углом, журнальный столик без единого пятнышка, на кухонном острове — ваза с фруктами, которые домработница, видимо, купила сегодня утром. Телевизор выключен, пульт лежит на специальной подставке.

В этой квартире не было жизни. Это был музей их отношений, где каждый экспонат занимал своё место, но никто

не приходил смотреть.

Она прошла в спальню. Кровать застелена идеально, подушки взбиты. На тумбочке Сергея — телефон на зарядке и очки для чтения. На её — ничего. Она взяла с собой всё в Лиссабон, и даже книга, которую начала читать перед отъездом, осталась в сумке.

Снежана села на край кровати и вдруг почувствовала усталость. Не физическую — ту, которая копилась внутри месяцами, годами, которую она так старательно не замечала. Ту, о которой говорил Денис.

Она взяла телефон, набрала номер Сергея.

— Алло, — его голос звучал напряжённо.

— Я дома, — сказала она.

— Хорошо. Как долетела?

— Нормально.

— Я на переговорах. Освобожусь поздно.

— Я поняла.

Пауза. Она слышала его дыхание, где-то на заднем плане — приглушённые голоса, звон посуды. Он был в ресторане или в кафе, не в офисе.

— Снежана, — он вздохнул. — Я правда рад, что ты вернулась. Просто сейчас...

— Я понимаю, Серёж. Всё в порядке.

— Ты поела?

— Не хочется.

— Сходи в душ, отдохни. Я постараюсь освободиться по-

раньше.

— Хорошо.

Она сбросила вызов и посмотрела на кровать. На его стороне подушка хранила лёгкую вмятину — он спал здесь прошлой ночью. На её стороне простыня была холодной и нетронутой.

Она легла, не раздеваясь, свернулась калачиком и уставилась в стену. Слез не было. Только пустота. И где-то глубоко внутри — тонкий, едва различимый голос, который шептал: «Ты заслуживаешь большего».

Но она не хотела его слушать.

Она взяла телефон и написала Денису:

Снежана: Я дома.

Ответ пришёл через минуту.

Денис: Как оно, дома?

Она думала несколько секунд, прежде чем ответить.

Снежана: Пусто.

Денис: Ты не одна.

Снежана: Я знаю. Спасибо.

Она хотела добавить что-то ещё, но не нашла слов. Просто смотрела на экран, пока он не погас.

В квартире было тихо. Идеально, стерильно, безнадёжно тихо.

Глава 2

Три дня.

Три дня Снежана прожила в режиме ожидания, которое никто не обещал оправдать. Сергей уезжал на переговоры до обеда, возвращался затемно, ужинал в одиночестве у телевизора, отвечая на её вопросы односложно, и засыпал с телефоном в руке. Она пробовала заговорить с ним о Лиссабоне — он кивал, не слушая. Пыталась предложить сходить куда-нибудь вместе — он отвечал: «Давай на выходных». На выходных же нашлась тысяча причин не выходить из дома: от усталости до неожиданного видеозвонка с партнёрами из Шанхая.

К пятнице Снежана чувствовала себя невидимкой. Она существовала в их общей квартире, пользовалась общими вещами, спала на общей кровати, но её присутствие никак не влияло на течение его жизни. Как будто она стала частью интерьера — красивой, уместной, но вторичной.

Единственным человеком, который её видел, оставался Денис. Он звонил каждый день — не назойливо, не требуя внимания, а так, будто ему правда было важно услышать её голос. Спрашивал, как прошёл день, что она ела, выспалась ли. Иногда просто молчал в трубку, и это молчание было уютнее, чем разговоры с Сергеем.

— Слушай, — сказал Денис в пятницу утром, когда она

уже собиралась на работу. — Давай сегодня встретимся. Давно не сидели втроём.

— Втроём?

— Ну да. Ты, я и твой благоверный, если он соизволит оторваться от своих китайских партнёров.

Снежана усмехнулась. Денис умел говорить о Сергее так, что критика в его словах звучала не злой, а почти заботливой.

— Я спрошу.

— Спроси. Если откажется — приходи одна. Я тебя покормлю, а то ты там, смотрю, на одних кофе и нервах держишься.

— Я не на нервах.

— Конечно. У тебя всё всегда под контролем. Даже собственное выгорание.

Она не нашлась, что ответить. Денис обладал неприятной способностью видеть то, что она так тщательно прятала.

— Во сколько? — спросила она, сдаваясь.

— В семь. В нашем пабе. Пусть Сергей подтягивается, если у него есть совесть.

— Денис!

— Ладно-ладно. Жду. И Снежка... Надень что-нибудь красивое. Не для него — для себя. Чтобы ты себя чувствовала.

Она хотела спросить «что именно чувствовала?», но он уже сбросил вызов.

Офис встретил её привычным шумом. Снежана разбирала почту, отвечала на звонки, обсуждала с коллегами детали нового контракта с португальцами. Работа шла как по маслу — это было единственное, что оставалось в её жизни предсказуемым и понятным. В работе она была нужна, важна, незаменима. В работе она чувствовала себя живой.

К обеду она набралась смелости и написала Сергею.

Снежана: Сегодня встречаемся с Денисом в «Кельте». В семь. Ты придёшь?

Ответ пришёл через сорок минут.

Сергей: Во сколько освобожусь, не знаю. Если успею — подъеду.

Она прочитала сообщение три раза. «Если успею». Не «постараюсь», не «хорошо, приду». «Если успею». Как будто встреча с ней и её другом была делом десятым, которым можно пожертвовать без угрызений совести.

Она не стала отвечать. Просто убрала телефон в ящик стола и вернулась к работе.

«Кельт» — их с Денисом и Сергеем любимый паб — находился в десяти минутах ходьбы от её офиса. Снежана любила это место за тёмное дерево стен, за запах свежего пива и жареного лука, за низкие потолки, создававшие иллюзию уюта и защищённости. Здесь она чувствовала себя не начальником отдела международных проектов, а просто девушкой, которая может расслабиться, снять туфли под столом и говорить о чём угодно, не боясь осуждения.

Денис уже сидел за их обычным столиком в углу — у окна, чтобы видеть входящих, но достаточно далеко от барной стойки, чтобы не оглохнуть от криков футбольных фанатов. Увидев её, он поднялся и улыбнулся той самой улыбкой — широкой, искренней, от которой у неё всегда теплело внутри.

— Снежка! — он обнял её, и она почувствовала знакомый запах его парфюма — лёгкий, цитрусовый, совсем не такой тяжёлый, как у Сергея. — Ты пришла!

— А что, были сомнения?

— С тобой никогда не знаешь. Ты женщина-загадка, — он отодвинул для неё стул. — Садись. Я уже заказал твоё любимое — крафтовый эль с вишнёвым оттенком. И картошку с сыром.

— Ты помнишь?

— Я всё помню, Снежка. Каждую мелочь.

Она села, чувствуя, как напряжение, скопившееся за день, начинает потихоньку отпускать. Денис обладал удивительным даром — рядом с ним всё становилось проще. Не нужно было доказывать, что ты сильная. Не нужно было оправдываться, что устала. Можно было просто быть.

— Сергей будет? — спросил Денис, садясь напротив.

— Сказал, что если успеет.

— Ага, — Денис кивнул, и в этом коротком «ага» было столько всего, что она предпочла не разбирать. — Ну что ж, подождём. А пока рассказывай. Как ты?

— Нормально.

— Снежка.

— Что?

— Мы же договорились: никаких «нормально». Ты пришла ко мне — ну, почти ко мне, мы в пабе, но суть та же. Говори как есть.

Она вздохнула, взяла бокал с элем, сделала глоток. Вкус был идеальным — сладковатым, с лёгкой кислинкой, ровно таким, как она любила.

— Пусто, — сказала она наконец. — Я дома, но мне там пусто. Я с Сергеем, но мне... — она запнулась. — Мне кажется, что меня там нет. Понимаешь? Как будто я — функция. Женщина, которая должна быть в квартире, чтобы всё выглядело правильно.

Денис молчал. Не перебивал, не утешал, просто смотрел на неё внимательно, и в этом взгляде было столько принятия, что у неё защищало глаза.

— А помнишь, — сказал он тихо, — как ты раньше смеялась? По-настоящему. Когда мы с тобой на третьем курсе пили этот дурацкий коктейль «Отвёртка» и ты пыталась танцевать на стуле?

— Я не пыталась танцевать!

— Ты упала с этого стула! И мы оба ржали так, что нас вывели из кафе.

— Это было ужасно.

— Это было весело, — поправил он. — Ты была живая.

Она опустила глаза. Денис говорил о Снежане, которой она больше не была. Той, которая смеялась до колик, которая могла в два часа ночи позвонить другу и потащить его смотреть на звёзды, которая чувствовала всё остро, ярко, на пределе. Сейчас она чувствовала только усталость.

— Люди меняются, — сказала она глухо. — Взрослеют.

— Взросление — это не когда перестаёшь смеяться, Снежка. Взросление — это когда начинаешь ценить, с кем ты смеёшься.

Она подняла на него глаза. В его взгляде не было жалости — только что-то гораздо более глубокое, от чего у неё перехватило дыхание. Она отвернулась первой.

— Заказывай картошку, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — А то я с голоду умру.

Денис улыбнулся, но ничего не сказал. Просто подозвал официанта.

Они сидели уже около часа, когда дверь паба открылась и внутрь вошёл Сергей. Снежана заметила его сразу — он всегда входил так, будто мир должен был расступиться перед ним. Высокий, в идеально сидящем тёмно-синем костюме, с телефоном в руке, на который он смотрел, не поднимая глаз. Только у самого столика он убрал устройство во внутренний карман и перевёл взгляд на них.

— Привет, — он наклонился к Снежане и поцеловал её в щёку. Формально, сухо, как здороваются с коллегой после выходных.

— Привет, — ответила она, чувствуя, как внутри что-то ёкает — не от радости, а от странной пустоты этого жеста.

— Сергей, — кивнул Денис, поднимаясь и протягивая руку. — Давно не виделись.

— Да, дела, — Сергей пожал руку и сел рядом со Снежаной, даже не посмотрев на неё. — Что здесь по еде? Я голодный.

— Закажи стейк, — предложил Денис. — Здесь отличная мраморная говядина.

— А ты уже всё изучил, — Сергей усмехнулся, и в этой усмешке Снежане почудилось что-то неприятное. — Часто здесь бываешь?

— Бываю. Место хорошее.

— Ага, — Сергей взял меню, пробежал по нему глазами. — Снежана, что ты будешь?

— Я уже заказала.

— Понятно.

Он сделал заказ официанту, и на несколько минут воцарилось молчание. Снежана чувствовала напряжение, которое повисло в воздухе — незримое, но осязаемое, как капли влаги перед грозой. Сергей достал телефон, начал просматривать сообщения. Денис смотрел на него с выражением, которое она не могла прочесть — не злость, не раздражение, скорее спокойная, выверенная внимательность охотника, изучающего добычу.

— Как работа? — спросила Снежана, пытаясь разрядить

обстановку.

— Нормально, — Сергей не поднял глаз. — Китайцы тянут с подписанием, придираются к мелочам. Приходится выкручиваться.

— Но ты же всегда умеешь выкрутиться, — Денис произнёс это с лёгкой иронией, но Сергей, кажется, не заметил.

— Умею, — ответил он без ложной скромности. — Это вопрос времени.

— А как твой проект с португальцами? — Денис повернулся к Снежане. — Они же в восторге были?

Она оживилась. Наконец-то кто-то спросил.

— Да, Жуан сказал, что хочет, чтобы я курировала весь европейский кластер. Это огромная ответственность, но и огромные перспективы. Я ещё думаю.

— О чём тут думать? — Сергей наконец оторвался от телефона. — Такие предложения не берут паузу. Если откажешься, они найдут кого-то другого.

— Я не отказываюсь. Просто хочу взвесить.

— Взвесить, — повторил Сергей с лёгкой усмешкой. — Снежана, ты умная женщина. Неужели ты не понимаешь, что в нашем мире нельзя ждать? Пока ты взвешиваешь, другие действуют.

— Дай ей подумать, — вмешался Денис. — Не всем же принимать решения с той же скоростью, с какой ты пролистываешь ленту новостей.

Сергей посмотрел на него, и в его взгляде мелькнуло что-

то острое.

— Ты всегда её защищаешь, да?

— А ты всегда так критичен? — парировал Денис, но его голос оставался спокойным, даже добродушным.

Снежана почувствовала, как напряжение между ними достигает точки кипения. Она открыла рот, чтобы перевести разговор на другую тему, но Сергей опередил её.

— Ладно, — он откинулся на спинку стула и снова взял телефон. — Вы тут решайте, как миру лучше. А мне нужно ответить партнёрам.

И он устался в экран, исключая их обоих из своего внимания.

Снежана посмотрела на Сергея. Его лицо в свете экрана выглядело чужим — жёсткие скулы, плотно сжатые губы, складка между бровями, которая появилась в последние месяцы и, казалось, въелась в кожу. Он был красив — она никогда не спорила с этим. Высокий, широкоплечий, с правильными чертами лица и уверенной осанкой человека, привыкшего побеждать. Но в этой красоте было что-то холодное, как у статуи.

Как она вообще оказалась рядом с этим человеком? Снежана поймала себя на этом вопросе и удивилась. Раньше ответ казался ей очевидным.

Они познакомились на корпоративной вечеринке два с половиной года назад. Снежана только что получила повышение и чувствовала себя неуверенно в кругу матёрых руко-

водителей. Сергей, который тогда работал в смежном отделе, подошёл к ней с бокалом шампанского и сказал: «Вы выглядите так, будто готовитесь к допросу. Расслабьтесь, здесь все свои».

В его голосе была уверенность, которая сразу её подкупила. Он не пытался ей понравиться — он просто был собой, и этого оказалось достаточно, чтобы она обратила на него внимание.

Потом был месяц флирта в мессенджере — умные шутки, двусмысленные намёки, ночные разговоры, от которых она засыпала с улыбкой. Он присылал ей фото закатов из командировок, она — фото своего кота, который смотрел на неё с немим укором. «Твой кот меня осуждает», — писал Сергей. «Он всех осуждает», — отвечала она.

Первое свидание было в ресторане на крыше небоскрёба. Снежана надела красное платье — смелое, открытое, такое, в котором она никогда не ходила на работу. Когда Сергей увидел её, в его глазах зажглось что-то, от чего у неё перехватило дыхание. «Ты прекрасна», — сказал он просто, без пафоса, и она поверила.

Они говорили всю ночь. О работе, о планах, о книгах, о путешествиях. Сергей рассказывал о детстве в небольшом городке под Тулой, о том, как пробивался в Москву, о том, что хочет открыть своё дело. В его глазах горел огонь, который она приняла за страсть к жизни. Он не пил — только заказал бутылку дорогого красного, от которой они отпили

по глотку. «Я не люблю терять контроль», — объяснил он, и это показалось ей признаком силы.

Через неделю они переспали. Это было не в первый раз для неё, но с Сергеем всё чувствовалось иначе. Он был внимателен, даже нежен, но в его нежности чувствовалась власть — он управлял её телом, её стонами, её удовольствием, как опытный дирижёр управляет оркестром. Ей это нравилось. Она думала, что это и есть страсть — когда тебя ведут, когда ты можешь расслабиться и позволить другому быть сильным.

Через месяц он предложил съехаться. Снежана колебалась — у неё была своя квартира-студия, которую она обустроивала с любовью, свои привычки, свой ритм. Но Сергей был убедителен. «Зачем нам два дома? — говорил он. — Мы взрослые люди, мы хотим быть вместе. Так давай не тратить время». Она согласилась.

Первые полгода были похожи на непрерывный праздник. Они путешествовали — Сочи, Прага, Рим. Сергей удивлял её спонтанными подарками: то серьги с изумрудами, которые она случайно похвалила в витрине, то билеты на концерт её любимой группы, который она сама уже и не надеялась посетить. Он был щедр, внимателен, страстен. Она чувствовала себя желанной, нужной, важной.

А потом что-то изменилось.

Снежана не могла назвать точную дату, когда тепло начало уходить из их отношений. Это случилось не в один день, не

из-за одной ссоры. Просто однажды она проснулась и поняла, что Сергей перестал её замечать. Не то чтобы он стал грубым или жестоким — нет, он по-прежнему был вежлив, по-прежнему интересовался её делами (формально), по-прежнему занимался с ней сексом (ритмично, предсказуемо, без той одержимости, что была в начале). Но исчезло что-то неуловимое — взгляды, которые говорили больше слов, прикосновения без повода, смех над глупыми шутками.

Она пыталась говорить с ним об этом. Однажды, после очередной «командировки», которая затянулась на две недели, она спросила прямо: «Серёж, у нас всё в порядке?»

Он посмотрел на неё с лёгким недоумением, как будто она спросила, не зелёное ли небо.

— Конечно, в порядке. А что случилось?

— Я просто... чувствую, что ты стал отстранённым. Мы почти не разговариваем.

— Снежана, — он вздохнул, как учитель, объясняющий прописную истину нерадивому ученику. — У нас взрослые отношения. Мы оба много работаем, у нас есть карьера, планы. Нельзя всё время проводить в сантиментах. Это не школа.

— Я не про сантименты. Я про внимание.

— Я уделяю тебе внимание. Я спрашиваю, как прошёл день, я забочусь о тебе. Разве этого недостаточно?

Она хотела сказать, что нет, недостаточно. Что ей нужны его глаза, смотрящие на неё с тем же огнём, что в начале.

Что ей нужны разговоры не о работе, а о жизни, о чувствах, о том, что их волнует. Что ей нужен он — настоящий, живой, а не эта идеально отполированная маска успешного мужчины.

Но она не сказала. Потому что если бы сказала, пришлось бы признать, что она ошиблась. Что человек, которого она выбрала, не может дать ей того, что ей нужно. Что её любовь, такая яркая в начале, превратилась в привычку, которую она называет «взрослыми отношениями».

И она продолжала верить. Потому что верить было легче, чем признать поражение.

— Снежка, — голос Дениса вернул её в реальность. — Ты где?

Она моргнула. Сергей всё так же сидел, уткнувшись в телефон. На столе уже стоял его стейк, который он ел механически, не отрываясь от экрана.

— Задумалась, — сказала она.

— О чём? — спросил Денис, и в его голосе было столько искреннего интереса, что у неё кольнуло в груди.

— О Лиссабоне, — соврала она. — О том, как здорово было бы вернуться туда не по работе.

— Поехали, — вдруг сказал Сергей, поднимая голову. — В следующем месяце у меня окно в графике. Слетаем на недельку.

Снежана посмотрела на него с надеждой.

— Правда?

— Правда, — он улыбнулся, и в этой улыбке на секун-

ду промелькнуло что-то от того прежнего Сергея — лёгкого, щедрого, способного на спонтанные порывы. — Заодно посмотришь на свой проект с португальцами, если возьмёшь кураторство.

Надежда угасла так же быстро, как вспыхнула. Он предлагал не романтическое путешествие, а рабочую командировку, замаскированную под отдых. Но она кивнула, потому что кивать было легче, чем спорить.

— Отличная идея, — сказала она.

Денис ничего не сказал, но она почувствовала его взгляд — внимательный, чуть грустный, как будто он видел её насквозь и знал, что она сейчас чувствует. Ей стало стыдно. Стыдно, что другой мужчина понимает её лучше, чем её собственный парень.

— А ты как, Денис? — спросил Сергей, поворачиваясь к нему. — Всё в своей архитектурной мастерской? Как там проект с бизнес-центром?

— Нормально, — Денис пожал плечами. — Тяжело, но интересно. Мы выиграли тендер на фасадное остекление, сейчас работаем над концепцией.

— Фасадное остекление, — повторил Сергей с лёгкой усмешкой. — Звучит... масштабно.

— Не у всех же международные контракты, — Денис улыбнулся, но в его улыбке Снежана уловила сталь.

— Я не это имел в виду. Просто удивляюсь, как ты умудряешься сочетать серьёзную работу с вечным студенческим

легкомыслием.

— Сергей, — Снежана почувствовала, как краснеет. — Не надо.

— Что? — он посмотрел на неё с удивлением. — Я сказал что-то обидное? Денис, ты обиделся?

— Нет, — Денис качнул головой. — Всё в порядке. У каждого своё представление о том, что значит «серьёзно».

Сергей хмыкнул и снова уткнулся в телефон. Разговор угас, повиснув в воздухе незаконченной нотой. Снежана смотрела на двух мужчин, сидящих напротив неё, и чувствовала, как между ними натягиваются невидимые нити — напряжение, соперничество, что-то древнее и невысказанное, что не имело названия, но ощущалось физически.

Она попыталась оживить беседу. Рассказала смешную историю из Лиссабона — как Жуан перепутал слова «контракт» и «конфета» и на полном серьёзе предлагал подписать «сладкое соглашение». Денис рассмеялся — искренне, громко, от всей души. Сергей улыбнулся краем губ, но взгляд его оставался прикованным к экрану.

— Вы двое как дети, — сказал он, не поднимая головы. — Вас любая ерунда смешит.

Снежана замерла. В этих словах было что-то большее, чем просто замечание. В них звучало пренебрежение — к её истории, к её смеху, к Денису, который смеялся вместе с ней. Как будто их лёгкость была чем-то постыдным, недостойным взрослых людей.

Денис перестал смеяться. Посмотрел на Сергея, и в его взгляде мелькнуло что-то, от чего у Снежаны похолодело внутри. Но он ничего не сказал. Только откинулся на спинку стула и сделал глоток пива.

— Может быть, — сказал он спокойно. — Может быть, мы дети. Зато нам весело.

Сергей поднял голову, и их взгляды встретились. Снежана физически ощутила, как воздух между ними становится плотным, почти осязаемым. Она ждала, что Сергей скажет что-то резкое, что Денис ответит, что разразится ссора, которую она так боялась последние месяцы.

Но ничего не случилось. Сергей просто пожал плечами и снова уставился в экран. Денис перевёл взгляд на неё, и в его глазах она прочитала то, что он не сказал вслух: «Ты видишь? Ты это видишь?»

Она видела. Но не могла признаться даже себе.

Они доели в молчании. Сергей расплатился по счёту, даже не спросив, сколько должен Денис — жест, который можно было истолковать и как щедрость, и как демонстрацию превосходства. Денис не стал спорить, только поблагодарил.

На выходе из паба Сергей снова достал телефон.

— Я вызову такси, — сказал он, не глядя на Снежану. — Мне ещё нужно ответить на несколько писем.

— Я провожу Снежану, — сказал Денис. — Мне по пути.

Сергей на секунду поднял голову, посмотрел на них — на Снежану, стоящую рядом с Денисом, и в его взгляде про-

мелькнуло что-то, что она не смогла идентифицировать. Ревность? Раздражение? Или ей просто хотелось так думать?

— Как хочешь, — сказал он и, даже не поцеловав её на прощание, сел в подъехавшее такси.

Машина уехала, и Снежана осталась на тротуаре рядом с Денисом. Вечерний воздух был прохладным, с лёгким запахом осени и мокрого асфальта. Где-то вдалеке сигналила машина, кто-то смеялся, жизнь вокруг кипела, но ей казалось, что она стоит в вакууме.

— Ну и как тебе вечер? — спросил Денис, и в его голосе не было иронии, только искренний вопрос.

— Нормально, — автоматически ответила она.

— Снежка.

— Что?

— Ты сейчас врёшь.

Она опустила голову. Пальцы сами сжались в кулаки.

— Я не знаю, что со мной, Денис. Я не знаю, что происходит. Я пытаюсь быть хорошей партнёршей, пытаюсь сохранить отношения, а он... — голос сорвался.

— А он ведёт себя так, будто ты — мебель в его идеальной квартире, — закончил Денис.

— Не надо.

— Почему? Потому что это правда? Снежка, посмотри на себя. Ты светилась, когда рассказывала про Лиссабон. Ты смеялась над своей историей с Жуаном. А он даже не поднял головы. Ты этого достойна?

Она молчала. Внутри всё кипело — обида, злость, стыд. Стыд от того, что Денис прав. Стыд от того, что она позволяет Сергею так с собой обращаться. Стыд от того, что она слабая.

— Это не так просто, — сказала она наконец. — Мы не можем всё время быть в медовом месяце. Отношения меняются, становятся глубже.

— Глубже? — Денис усмехнулся, но в его усмешке не было насмешки. — Снежка, вы даже не разговариваете. Ты называешь это глубиной?

— Мы разговариваем. Просто... у нас разный ритм. Сергей много работает, он устаёт. Это не значит, что он меня не любит.

— А что это значит?

Она не ответила. Потому что не знала.

Денис подошёл ближе, и она почувствовала его тепло — такое живое, настоящее, совсем не похожее на холодную отстранённость Сергея. Ей вдруг захотелось прижаться к нему, спрятаться в его объятиях от всех этих вопросов, на которые у неё не было ответов. Но она не сделала этого. Потому что знала — если сделает, то уже не сможет остановиться.

— Иди домой, Снежка, — сказал Денис тихо. — Отдохни. Завтра новый день.

— Ты не злишься?

— На что?

— На то, что я... что я такая.

Он посмотрел на неё долгим взглядом, и в этом взгляде было столько тепла, что у неё перехватило дыхание.

— Я не могу злиться на тебя, Снежана. Я могу только ждать.

— Ждать чего?

Он не ответил. Просто взял её за руку — легко, почти невесомо — и поднёс к губам. Его поцелуй был коротким, сухим, но от него по всему телу разлилось тепло, которого она не чувствовала уже очень давно.

— Ждать, когда ты вспомнишь, кто ты есть на самом деле, — сказал он, отпуская её руку. — Не жена Сергея, не начальник отдела, не успешная женщина из модного издания. А Снежка, которая танцевала на стуле под «Отвёртку» и смеялась так, что нас выгоняли из кафе. Вот её я и жду.

Он развернулся и пошёл в сторону метро, оставив её стоять на тротуаре с бьющимся сердцем и миллионом мыслей, которые никак не хотели складываться в связную картину.

Снежана смотрела ему вслед, и где-то глубоко внутри неё шевельнулось что-то, что она так долго прятала. Что-то, что имело имя, которое она боялась произнести даже в мыслях.

Она достала телефон, набрала сообщение Сергею.

Снежана: Ты уже дома?

Ответ пришёл через пять минут.

Сергей: Да. Уснул. Устал. Завтра поговорим.

Она посмотрела на экран, потом на тёмное небо, на котором не было ни одной звезды — только сплошная пелена го-

родских огней и облаков.

«Завтра поговорим».

Сколько раз она уже слышала эту фразу? Десять? Двадцать? «Завтра» никогда не наступало. Оставалось только «сегодня» — такое же пустое, как её квартира, как её отношения, как она сама.

Она поймала такси и назвала адрес. Всю дорогу смотрела в окно на мелькающие огни Москвы и думала о Денисе. О его глазах, когда он смотрел на неё. О его голосе, когда он сказал: «Я могу только ждать». О его губах на её руке.

«Что я делаю? — спросила она себя. — Что я вообще делаю со своей жизнью?»

Ответа не было. Только тишина, в которой её собственное сердце билось громче, чем обычно.

Она вошла в пустую квартиру, разделась в темноте, легла на свою половину кровати. Сергей спал, отвернувшись к стене, его дыхание было ровным и спокойным. Он не проснулся, когда она пришла. Не почувствовал её отсутствия. Не ждал.

Снежана лежала с открытыми глазами и слушала его дыхание, в котором не было ничего для неё — ни любви, ни страсти, ни даже обычного человеческого тепла. Просто дыхание спящего мужчины, который когда-то был для неё целым миром.

А теперь был просто соседом по кровати.

Она закрыла глаза и позволила себе представить. Представить, что она не поехала домой. Что осталась с Денисом. Что

они сидят где-нибудь на набережной, пьют кофе и смеются над чем-то глупым. Что он смотрит на неё так, как смотрел сегодня — с нежностью, с ожиданием, с терпением.

«Я могу только ждать».

Сколько он уже ждёт? Год? Два? Все шестнадцать лет их дружбы?

Она не знала. И боялась узнать.

Снежана повернулась на бок, натянула одеяло до подбородка и закрыла глаза. Завтра будет новый день. Завтра она проснётся и снова будет Снежаной — сильной, успешной, контролирующей всё. Завтра она снова будет доказывать себе, что её отношения с Сергеем — это взрослая любовь, а не привычка. Что её жизнь — это то, что она выбрала, а не то, в чём она застряла.

Завтра.

Но сегодня, засыпая под ровное дыхание чужого мужчины на своей половине кровати, она впервые за долгое время позволила себе мечтать о другом. О том, кто ждёт. О том, кто видит. О том, кто никогда не скажет: «Завтра поговорим».

Потому что Денис всегда говорил: «Поговорим сейчас».

И это «сейчас» было самым ценным, что у неё было.

Глава 3

Она проснулась от того, что рядом кто-то дышал. Не Сергей — тот уже ушёл, оставив после себя только идеально заправленную половину кровати и лёгкий запах терпкого мужского парфюма, который она когда-то любила. Дыхание было чужим, прерывистым, и потребовалось несколько секунд, чтобы понять: это она сама. Тяжело, неровно, как будто всю ночь убегала от кого-то во сне.

Снежана открыла глаза. Комната была залита серым утренним светом, пробивающимся сквозь неплотно задёрнутые шторы. На тумбочке лежала записка, вырванная из блокнота для списков покупок.

«Уехал в командировку. Вернусь через три дня. Сергей». Три строчки. Ни «люблю», ни «скучай», ни даже «позвони». Просто информация. Сухая, деловая, как отчёт о проделанной работе.

Она взяла записку, повертела в пальцах. Почерк у Сергея был красивым, размашистым — таким, каким пишут люди, привыкшие, что их слова имеют вес. Но сейчас эти слова весили меньше, чем листок, на котором были написаны.

Снежана отложила записку и села на кровати. Голова была тяжёлой, мысли путались. Вчерашний вечер в пабе вспоминался обрывками — смех Дениса, холодный взгляд Сергея, его слова: «Вы двое как дети». И поцелуй Дениса на её

руке — лёгкий, почти невесомый, но от которого до сих пор горела кожа.

Она тряхнула головой, отгоняя воспоминание. Не время. Не место. Не с тем.

День обещал быть пустым. Суббота — единственный день, когда она могла не думать о работе, не мчаться на переговоры, не разбирать бесконечные письма. Раньше она любила субботы. Они с Сергеем завтракали вместе, потом гуляли по городу, потом — если везло с погодой — выбирались за город, в какой-нибудь уютный отель с камином и видом на лес. А если не везло — оставались дома, смотрели кино, пили вино, занимались любовью неспешно, со вкусом, как в первые месяцы.

Теперь субботы были просто днями, когда она не знала, куда деть себя.

Она встала, накинула халат и вышла в гостиную. Квартира встретила её тишиной. Идеальной, стерильной, давящей тишиной. На кухонном островке стояла ваза с фруктами, которую вчера принесла домработница. На журнальном столике лежали свежие газеты, которые Сергей выписывал, но никогда не читал. Всё было на своих местах. Всё было правильно. Ничего не было живого.

Снежана сварила кофе, взяла чашку и села у окна. За стеклом шёл мелкий дождь — тот самый, московский, затяжной, который мог идти часами, днями, неделями. Люди внизу спешили по своим делам, укрываясь зонтами, машины

ползли по мокрому асфальту, мир за окном жил своей жизнью, в которой ей не было места.

Она допила кофе и вдруг почувствовала непреодолимое желание что-то сделать. Что угодно — убраться, переставить мебель, выбросить старые вещи. Лишь бы не сидеть в этой тишине, которая давила на виски, как тугая повязка.

Она начала с кухни. Перемыла посуду, хотя она была чистой. Протёрла столешницы, хотя они блестели. Разобрала ящики со специями, выбросила просроченные, расставила баночки по алфавиту — занятие, которое всегда её успокаивало.

Потом перешла в гостиную. Протёрла пыль с полок, поправила книги, которые стояли идеально ровно. Дошла до шкафа в прихожей, где висела верхняя одежда.

Это был Сергеев шкаф. Она редко в него заглядывала — у них были отдельные гардеробные, и Снежана уважала его личное пространство. Но сегодня ей хотелось порядка. Хотелось контроля. Хотелось верить, что если она сможет навести порядок здесь, то сможет навести порядок и в своей жизни.

Она открыла дверцу и начала перебирать вещи. Пальто, пиджаки, куртки — всё висело ровными рядами, как в дорогом бутике. Сергей был педантичен в одежде — костюмы только на заказ, рубашки только из итальянского хлопка, обувь только ручной работы. Ей когда-то нравилась эта его педантичность. Она казалась признаком надёжности.

Она достала пиджак, который он носил на прошлой неделе, — тёмно-синий, с идеально отглаженными лацканами. Собралась повесить его обратно, но вдруг заметила, что внутренний карман слегка оттопыривается.

Снежана сунула руку в карман и нащупала что-то мягкое, шелковистое.

Она вытащила это и замерла.

Шарфик. Яркий, бирюзовый, с тонкой золотистой нитью, вплетённой в край. Шёлк. Дорогой. Женский.

Снежана смотрела на него, и мир вокруг неё сужался до размеров этой маленькой вещицы. Шарфик пах чужими духами — сладкими, приторными, совсем не похожими на её лёгкие цитрусовые ароматы. На нём не было ни пятнышка, ни складочки — его не носили, его только что купили. Или получили в подарок.

Она перебирала в голове варианты. Подарок секретарше? Но Сергей никогда не дарил подарки лично — у него для этого был помощник, который покупал цветы и презенты ко всем корпоративным праздникам. Забыл отдать? Но шарфик был в кармане пиджака, который Сергей носил на работу. Во внутреннем кармане, куда обычно кладут самое важное.

Может быть, он купил его для неё? Но Сергей не дарил ей шарфиков. Он дарил украшения — дорогие, изящные, но всегда такие, будто выбирал их по каталогу, не вникая в её вкус. И никогда — шарфики. Он говорил, что шарфики — это «слишком интимно, как нижнее бельё».

Снежана стояла посреди прихожей с чужим шарфиком в руках, и где-то глубоко внутри неё, на самом дне, зарождалось то, чему она отказывалась давать имя.

Она аккуратно сложила шарфик и положила его обратно в карман. Повесила пиджак на место. Закрыла шкаф.

Потом прошла в ванную, включила холодную воду и умылась. Посмотрела на себя в зеркало. Та же Снежана — тёмные волосы, серые глаза, тонкая линия губ. Только в глазах что-то изменилось. Что-то, что она не могла назвать, но что чувствовала физически — как лёгкое головокружение перед падением.

«Это ничего не значит, — сказала она себе. — Это ничего не значит. У него могли быть свои причины. Он объяснит, когда вернётся».

Но голос внутри, тот самый, который она так старательно заглушала последние месяцы, шептал: «А если нет? Если не объяснит? Если это то, о чём ты думаешь?»

Она нажала на голос. Нажала так сильно, как только могла.

«Не сейчас. Не сегодня. Я не готова».

К обеду Снежана поняла, что не может оставаться одна. Квартира, которая когда-то казалась ей крепостью, превратилась в ловушку. Каждая вещь напоминала о Сергее, каждое пустое пространство кричало о его отсутствии. А шарфик, спрятанный в кармане пиджака, лежал там, как бомба замедленного действия, отсчитывая секунды до взрыва.

Она взяла телефон и пролистала контакты. Сергей — нет. Денис — она подумала секунду и пролистнула дальше. Не сейчас. С Денисом она чувствовала себя слишком... открытой. Он видел её насквозь, а сегодня она не хотела, чтобы её видели. Она хотела спрятаться за маской нормальности, которую могла поддерживать только с теми, кто не знал её слишком хорошо.

Кати. Она остановилась на имени подруги. Катя — это безопасно. Катя не будет задавать неудобных вопросов. Катя посмеётся, выпьет с ней вина и расскажет о своих проблемах, которые всегда были громче и ярче, чем у Снежаны. С Катей можно было не быть собой. С Катей можно было играть роль.

Она набрала номер.

— Снежана! — голос подруги звучал радостно, как всегда. — А я как раз думала о тебе! Ты где? Что делаешь?

— Дома. Сергей в командировке. Скучаю.

— Ой, бедняжка, — в голосе Кати не было сочувствия, скорее игривость. — Ну ничего, я тебя спасу. Давай встретимся. Ты где хочешь?

— Не знаю. Где-нибудь, где можно выпить кофе и не слышать музыку.

— Есть одно местечко. На Чистых прудах, открыли новую кофейню. Там такие десерты! Ты просто обязана попробовать.

— Хорошо. Во сколько?

— Через час. Я как раз освобождаюсь.

— Договорились.

Снежана сбросила вызов и пошла одеваться. Выбрала джинсы, свитер крупной вязки, балетки — то, в чём чувствовала себя уютно и незаметно. Посмотрела в зеркало. Обычная девушка. Ничего особенного. Никто не узнает, что внутри неё всё кипит, как вода в закрытой кастрюле.

Кофейня оказалась маленькой, уютной, с низкими потолками и запахом свежей выпечки. Катя уже сидела за столиком у окна, когда Снежана вошла. Подруга была, как всегда, безупречна — светлые волосы, идеальный макияж, ярко-красное пальто, которое делало её центром внимания. Катя работала журналистом в модном издании и одевалась соответственно — всегда с иголки, всегда с намёком на то, что она знает о стиле больше, чем все вокруг.

— Снежана! — Катя вскочила и обняла её, оставив на щеке лёгкий поцелуй. — Ты выглядишь... отдохнувшей. Лиссабон пошёл тебе на пользу.

— Спасибо, — Снежана села напротив. — Ты тоже прекрасно выглядишь.

— О, это всё работа, — Катя махнула рукой, но в её голосе слышалось удовольствие. — Нас пригласили на открытие новой галереи, пришлось наряжаться. Знаешь, эти тусовки — сплошное притворство, но без них никак.

Они сделали заказ. Катя выбрала раф с солёной карамелью, Снежана — обычный американо. Когда кофе принесли, Катя взяла чашку в руки, посмотрела на Снежану внима-

тельно.

— Ты что-то хочешь мне рассказать?

— Почему ты так решила?

— Потому что ты позвонила в субботу днём. Ты никогда не звонишь в субботу днём. Ты звонишь в будни, после работы, или в воскресенье вечером, когда понимаешь, что выходные прошли, а ты так и не отдохнула. Суббота днём — это время, когда ты обычно занята чем-то важным. Или кем-то.

Снежана усмехнулась. Катя всегда была наблюдательной — это качество делало её хорошим журналистом и иногда невыносимым собеседником.

— Сергей в командировке, — сказала она. — Мне скучно.

— Скучно, — повторила Катя, как будто пробуя слово на вкус. — Скучно — это когда нечего делать. А у тебя другое. У тебя на лице написано, что ты о чём-то думаешь. О чём-то, что тебя гложет.

Снежана отвела взгляд. Она не хотела говорить о шарфике. Не хотела озвучивать то, что звучало как обвинение. Пока она молчала, это был просто предмет. Как только она произнесёт это вслух, предмет превратится в улику.

— Всё в порядке, — сказала она. — Просто задумалась.

— О чём?

— О жизни.

Катя рассмеялась.

— О жизни, — повторила она. — Снежана, дорогая, ты говоришь как моя бабушка. «О жизни» — это когда тебе семь-

десять и ты смотришь на свои морщины в зеркале. А тебе двадцать восемь, у тебя шикарная работа, шикарный мужчина, шикарная квартира. О чём тебе задумываться?

— Может быть, именно об этом. О том, что всё слишком шикарно.

Катя отставила чашку и посмотрела на подругу серьёзно.

— Ты хочешь поговорить о Сергее?

Снежана промолчала.

— Я так и знала, — Катя вздохнула. — Что на этот раз? Опять командировки? Опять занят? Опять смотрит в телефон, когда ты рядом?

— Ты слишком много знаешь.

— Я слишком много вижу, — поправила Катя. — Снежана, я была на вашей свадьбе, прости, на вашей церемонии — вы же не расписаны официально? — я была на вашем празднике два года назад. И я помню, как он на тебя смотрел. Как будто ты была единственной женщиной на планете. А теперь? Теперь он смотрит на тебя так, будто ты — часть интерьера. Красивая, уместная, но вторичная.

Слова Кати ударили сильнее, чем она ожидала. Потому что это было правдой. Потому что это же говорил Денис. Потому что это говорил её внутренний голос, который она так старательно игнорировала.

— Отношения меняются, — сказала Снежана, повторяя свою любимую мантру. — Нельзя всё время быть в медовом месяце.

— Согласна, — кивнула Катя. — Но можно не превращаться в соседей по квартире, которые иногда спят в одной кровати. Снежана, ты счастлива?

Вопрос повис в воздухе. Снежана смотрела на свою чашку, на тёмную поверхность кофе, в которой отражался её собственный испуганный взгляд.

— Я... — она запнулась. — Я думала, что да.

— А теперь?

— Теперь я не знаю.

Катя молчала, давая ей время. Снежана чувствовала, как слова поднимаются из глубины, как пузырьки воздуха со дна океана, которые нельзя удержать.

— Сегодня утром, — начала она медленно, — я нашла в кармане его пиджака женский шарфик. Яркий, дорогой. Чужой.

Катя выпрямилась.

— И ты что подумала?

— Я подумала, что у этого есть объяснение. Может быть, он купил его для секретарши. Или забыл отдать кому-то. Или...

— Или это не его, — закончила Катя.

Снежана кивнула. Сказать это вслух было легче, чем она думала. Но легче не стало.

— Снежана, — Катя накрыла её руку своей. — Ты правда веришь в эти объяснения?

— А что мне остаётся?

— Остаётся посмотреть правде в глаза.

Снежана отдернула руку. Глаза защипало, но она заставила себя не плакать. Она никогда не плакала при посторонних.

— Ты не понимаешь, — сказала она глухо. — У нас с Сергеем взрослые отношения. Мы оба много работаем, у нас есть карьера, планы. Мы не можем всё время...

— Снежана, — Катя перебила её, и в её голосе не было привычной игривости, только спокойная, твёрдая серьёзность. — Я работаю в глянце. Я вижу сотни пар, которые живут «взрослыми отношениями». Они приходят на наши мероприятия, улыбаются фотографам, рассказывают о своих успешных проектах. А потом расходятся. И знаешь, что я слышу от них? «Мы слишком много работали». «Мы перестали разговаривать». «Я думала, что это нормально — чувствовать себя одной, даже когда он рядом». Это не взрослые отношения, Снежана. Это медленное умирание.

Слова Кати падали на стол, как камни. Тяжёлые, острые, неопровержимые.

— Я не умираю, — сказала Снежана, но голос её прозвучал неуверенно.

— Ты гаснешь, — тихо сказала Катя. — Я вижу это. Твои глаза — они были такими яркими, когда вы только начинали. А теперь? В них только усталость. И страх. Ты боишься признать, что ошиблась.

— Я не ошиблась.

— Тогда почему ты нашла шарфик и не позвонила ему?

Почему не спросила? Почему ты сидишь здесь, пьёшь кофе и делаешь вид, что ничего не случилось?

Снежана молчала. Потому что Катя была права. Она боялась. Боялась услышать ответ, который разрушит ту картину мира, которую она так старательно строила последние два года.

— Сергей меня любит, — сказала она, скорее себе, чем Кате. — Просто он не умеет это показывать.

— Снежана, — Катя вздохнула. — Ты умная женщина. Неужели ты не видишь?

— Что я должна видеть?

Катя посмотрела на неё долгим взглядом, и в этом взгляде было что-то, от чего Снежане захотелось встать и уйти. Но она осталась.

— Взгляни на Дениса, — сказала Катя. — Он смотрит на тебя, как на чудо. Я видела вас вместе на прошлой неделе, когда вы заходили ко мне за книгой. Он смотрел на тебя так, будто ты — единственный источник света в тёмной комнате. Он слушает тебя так, будто каждое твоё слово — это откровение. Он смеётся над твоими шутками так, будто они самые смешные на свете. Ты это видишь?

Снежана почувствовала, как кровь приливает к щекам.

— Денис — мой друг, — сказала она резче, чем хотела. — Он всегда был моим другом.

— Друг, который ждёт. Который смотрит, как ты мучаешься с человеком, который тебя не достоин, и ничего не

может сделать, потому что ты не готова его услышать.

— Не говори о Денисе. Ты его не знаешь.

— Я знаю достаточно, — Катя не отступала. — Я знаю, что он каждый год приносит тебе цветы на день рождения. Я знаю, что он помнит, какой кофе ты любишь и в какой последовательности ты добавляешь сахар. Я знаю, что он никогда не опаздывает на встречи с тобой. А Сергей? Сергей забыл вашу годовщину в прошлом году. Сергей не приехал тебя встретить из Лиссабона. Сергей носит в кармане чужие шарфики.

— Хватит! — Снежана стукнула чашкой по столу так, что кофе расплескался на блюде. Несколько человек за соседними столиками обернулись, но она не обратила на них внимания. — Ты не имеешь права. Ты не знаешь, что у нас с Сергеем. Ты не знаешь, что между мной и Денисом. Ты просто...

— Просто говорю то, что вижу, — спокойно закончила Катя. — Потому что кто-то должен это сказать. Твоя мама далеко, твои подруги по работе боятся тебя обидеть, а Денис слишком боится тебя потерять, чтобы говорить правду. Остаюсь я. И я говорю: ты заслуживаешь большего, Снежана. Ты заслуживаешь того, кто будет смотреть на тебя так, как Денис. Не потому, что Денис — это ответ. А потому, что ты перестала требовать для себя счастья.

Снежана сидела, стиснув зубы. Внутри всё кипело — злость, стыд, обида. Злость на Катю за то, что она лезет не в

своё дело. Стыд за то, что она права. Обида на себя — за то, что позволяет этому происходить.

— Ты не понимаешь, — повторила она, но теперь это прозвучало не как защита, а как мольба. — Я не могу просто взять и... всё бросить. У нас с Сергеем общая жизнь, общие планы. Мы строили это вместе.

— Ты строила, — поправила Катя. — А Сергей просто находился рядом. Скажи, когда в последний раз он что-то делал для вас? Не для себя, не для работы, а для вас двоих? Когда в последний раз он смотрел на тебя и говорил: «Снежана, ты — самое важное в моей жизни»?

Снежана молчала. Она не могла вспомнить. Не потому, что память подводила, а потому, что таких моментов не было. Или они были так давно, что стёрлись под слоем командировок, недоговорённостей и усталости.

— Видишь? — Катя взяла её за руку. — Ты даже не можешь вспомнить. Снежана, любовь — это не то, что нужно вспоминать. Любовь — это то, что ты чувствуешь здесь и сейчас. Если ты не чувствуешь — значит, её нет.

Снежана выдернула руку.

— Ты не права, — сказала она, и в голосе её зазвенела сталь. — Ты видишь только кусочки. Ты не видишь, как Сергей заботится обо мне. Как он переживал, когда я болела. Как он...

Она запнулась. Не могла вспомнить ни одного случая, когда Сергей заботился о ней во время болезни. Он обычно го-

ворил: «Вызови врача», и уходил на работу.

— Как он? — тихо спросила Катя.

Снежана опустила глаза. В груди разрасталась холодная пустота.

— Я не хочу сейчас об этом говорить, — сказала она. — Я просто хотела выпить кофе и отвлечься.

Катя посмотрела на неё с грустью, но спорить не стала.

— Хорошо, — сказала она. — Давай поговорим о чём-нибудь другом. Например, о том, что я вчера видела в метро мужчину, который нёс живого гуся под мышкой. Я не шучу. Живого гуся. И он с ним разговаривал.

Снежана невольно улыбнулась. Катя умела переключать темы с виртуозностью профессионального интервьюера.

— Зачем ему гусь? — спросила она.

— Понятия не имею. Может быть, он нёс его на ужин? Но тогда зачем разговаривать?

— Может быть, они были друзьями.

— Возможно. Знаешь, я иногда думаю, что с гусем проще, чем с женщиной. Гусь хотя бы не носит в кармане чужих шарфиков.

Снежана фыркнула. Катя рассмеялась, и напряжение, висевшее между ними, начало потихоньку рассеиваться.

— Ты невозможна, — сказала Снежана.

— Это я знаю, — Катя откинулась на спинку стула. — Но я хороший друг. Даже когда говорю то, что не хочется слышать.

— Ты думаешь, что ты права.

— Я знаю, что я права. Но я также знаю, что ты должна сама к этому прийти. Я могу только сказать. Решение — за тобой.

Снежана кивнула. Она чувствовала странную смесь облегчения и тяжести. Облегчения от того, что сказала вслух то, что мучило её весь день. Тяжести от того, что теперь это стало реальностью, а не просто подозрением.

— Спасибо, — сказала она тихо.

— За что?

— За то, что сказала. Даже если мне было больно.

Катя накрыла её руку своей.

— Для того и нужны подруги, — сказала она. — Чтобы говорить правду. И чтобы потом вместе пить вино, когда эта правда окажется слишком тяжелой.

Они заказали ещё по чашке кофе и десерт — шоколадный фондан, который Катя рекомендовала как «лучший в городе». Снежана ела медленно, чувствуя, как тёплая сладость растекается по языку, и думала о том, что Катя сказала про Дениса.

«Он смотрит на тебя, как на чудо».

Это было правдой. Она знала это. Знала, как Денис смотрит на неё — внимательно, жадно, как будто пытается запомнить каждую чёрточку. Знала, как он слушает — не перебивая, не отвлекаясь, как будто её слова — единственное, что имеет значение в этот момент. Знала, как он смеётся —

искренне, громко, от всей души, и в этом смехе было что-то детское, незащищённое, что она никогда не видела у Сергея.

Но Денис был другом. Только другом. Она не могла позволить себе думать о нём иначе. Потому что если бы позволила, то всё, что у неё было с Сергеем, потеряло бы смысл. А она не могла признать, что её жизнь последних двух лет была ошибкой.

Не могла. Не сегодня.

— Ладно, — сказала она, отодвигая пустую тарелку. — Мне пора.

— Домой? — спросила Катя.

— Да. Нужно разобрать вещи, подготовиться к рабочей неделе.

— И подумать о шарфике?

Снежана помолчала.

— И подумать о шарфике, — призналась она.

Катя кивнула.

— Позвони ему, — посоветовала она. — Не жди, пока он вернётся. Позвони и спроси. Может быть, у этого действительно есть невинное объяснение. Но ты должна услышать его из его уст. Иначе будешь мучиться.

— Ты права, — Снежана встала, надела пальто. — Я позвоню.

— И ещё, — Катя тоже поднялась. — Ты злишься на меня?

Снежана посмотрела на подругу. На её яркое красное

пальто, на безупречный макияж, на глаза, в которых читалась искренняя тревога.

— Нет, — сказала она. — Не злюсь. Просто... мне нужно время.

— Время у тебя есть. Я никуда не уйду.

Они обнялись на прощание, и Снежана вышла на улицу. Дождь кончился, но воздух был влажным и холодным. Она подняла воротник пальто и пошла в сторону метро, размышляя о том, что сказала Катя.

Она не позвонила Сергею. Не в метро, не по дороге домой, не в лифте. Всё ждала подходящего момента, который никак не наступал.

Дома она разулась, прошла в гостиную, села на диван. Телефон лежал на журнальном столике, чёрный, безмолвный. Она смотрела на него и чувствовала, как страх сковывает движения.

«Позвони», — говорил внутренний голос. «Не надо», — отвечал другой. «Ты должна знать правду». «Правда разрушит то, что у тебя есть». «А что у тебя есть?»

Она взяла телефон. Набрала номер Сергея. Гудки. Длинные, тягучие. Сердце колотилось где-то в горле.

— Алло, — его голос звучал устало, но обычно.

— Привет, — сказала она. — Как командировка?

— Нормально. Завтра важные встречи. Ты почему не спишь?

— Не спится. Серёж, я хотела спросить...

Она запнулась. Слова застряли в горле.

— Что спросить? — в его голосе появилось лёгкое раздражение.

— Ничего. Просто соскучилась.

Пауза. Она слышала его дыхание — ровное, спокойное.

— Я тоже, — сказал он, но в его голосе не было тепла. Скорее, автоматическая вежливость.

— Когда ты вернёшься?

— Послезавтра. Всё, мне нужно идти, коллеги ждут.

— Хорошо. Пока.

— Пока.

Он сбросил вызов, и Снежана осталась сидеть в тишине с телефоном в руке. Она не спросила о шарфике. Не спросила, где он был вчера вечером. Не спросила, почему в его кармане оказалась чужая вещь.

Она испугалась. Испугалась услышать ответ, который разрушит её мир. Испугалась подтверждения того, что она знала, но не хотела признавать.

Снежана встала, прошла в прихожую, открыла шкаф. Сунула руку в карман пиджака. Шарфик был на месте — яркий, шёлковый, чужой.

Она вытащила его, поднесла к лицу. Сладкий, приторный запах чужих духов ударил в нос. Она представила женщину, которая носила этот шарфик. Молодую? Красивую? Ту, которой Сергей дарит подарки, а ей, Снежане, дарит только молчание и отстранённость.

Она сжала шарфик в кулаке так сильно, что побелели костяшки. Глаза защипало, но она не заплакала. Она не позволила себе заплакать.

Вместо этого она аккуратно сложила шарфик, положила его обратно в карман и закрыла шкаф. Потом прошла в спальню, легла на свою половину кровати и уставилась в потолок.

В голове крутились слова Кати: «Ты заслуживаешь большего». И слова Дениса: «Я могу только ждать». И слова Сергея: «Пока».

Она лежала в темноте и слушала, как за окном снова начинается дождь. Капли барабанили по стеклу, и этот звук казался ей самым честным в её жизни — ровным, монотонным, безжалостным.

«Что я делаю? — спросила она себя в который раз. — Кем я стала?»

Ответа не было. Только шум дождя и запах чужого шарфика, который, казалось, пропитал всю квартиру.

Она закрыла глаза и представила, что просыпается в другом мире. В мире, где Сергей не носит в кармане чужих вещей. Где он смотрит на неё так же, как в начале. Где она не боится задавать вопросы, потому что знает: ответы её не ранят.

Но этот мир был не здесь. Здесь был только шарфик, тишина и она — женщина, которая боится правды больше, чем лжи.

Снежана повернулась на бок, натянула одеяло до подбородка и закрыла глаза. Завтра она позвонит Сергею. Завтра она задаст ему этот вопрос. Завтра она будет сильной.

Но сегодня она позволила себе слабость. Сегодня она позволила себе не знать.

Потому что незнание было безопаснее. Потому что правда могла разрушить всё. Потому что она ещё не была готова.

Она заснула под утро, и ей снова приснился Денис. Он стоял на набережной Лиссабона, и шарфик в его руках был бирюзовым, и она знала, что этот шарфик для неё. Но когда она протянула руку, чтобы взять его, он исчез, и она осталась одна на берегу океана, который уносил её надежды вдаль, в никуда.

Глава 4

Понедельник начался с того, что сломался будильник. Не тот, что в телефоне, — электроника редко подводила, — а внутренний, тот самый, который последние два года исправно поднимал её с кровати даже в самые тяжёлые утра. Сегодня он молчал. Снежана открыла глаза без четверти девять, и первая мысль, чёткая, как удар хрустального бокала о каменный пол, была: «Я проспала».

Она вскочила, задела тумбочку, с которой упала книга, и на секунду замерла, пытаясь сориентироваться в пространстве. Сергея рядом не было — он должен был вернуться из командировки вчера вечером, но прислал сообщение, что рейс задерживается, и он приедет только утром. Она уснула, не дождавшись. Проснулась одна.

Снежана схватила телефон. На экране — три пропущенных от Марии, коллеги из офиса, и сообщение от Сергея, отправленное в восемь двенадцать.

Сергей: Я дома. Ты спишь. Не буду будить. Уехал на переговоры. Вернусь вечером.

Она посмотрела на время отправления — два часа назад. Два часа он был дома. Два часа он видел её спящей, видел, что она проспала, и не потрудился её разбудить. Или даже просто прикоснуться к её плечу, чтобы сказать: «Я вернулся».

Снежана сжала телефон и почувствовала, как внутри поднимается глухая, тяжёлая волна раздражения. Не злости — раздражения. Того самого, которое накапливается каплями, годами, а потом превращается в ледяную глыбу, которую невозможно растопить.

Она быстро привела себя в порядок — душ за десять минут, волосы в низкий пучок, минимум макияжа, строгий серый костюм, который надевала, когда хотела выглядеть «неприступной». В такси, которое вызвала через приложение, она смотрела в окно на утреннюю Москву, но не видела ничего — только своё отражение в тёмном стекле, бледное, с тенями под глазами, которые не скрывал даже тональный крем.

Офис встретил её привычным гулом. Снежана прошла через open-space, кивая коллегам, которые провожали её взглядами, полными любопытства — начальник отдела опоздала на два часа, это случилось впервые за три года. Она чувствовала эти взгляды на своей спине, но не обернулась. У неё было правило: никогда не показывать слабость на работе. Работа была единственным местом, где она знала правила игры. Где её ценили не за то, какая она женщина, а за то, что она делает.

В кабинете она села за стол, открыла ноутбук и уставилась на пустой экран. Сорок семь непрочитанных писем. Три пропущенных звонка от португальских партнёров. Запрос от финансового отдела. Приглашение на совещание в одина-

дцать. Всё это требовало внимания, но мысли упрямо возвращались к одному.

Сегодня была их годовщина. Два года, как они съехались. Два года, как она продала свою уютную студию в центре и переехала в его квартиру на набережной. Два года, как она начала строить ту жизнь, которая сейчас казалась ей такой пустой.

Она ждала, что Сергей вспомнит. Ждала, что он приедет с цветами, с шампанским, с тем самым взглядом, который был у него в начале. Она даже надела сегодня костюм, который он любил — серый, с тонкой белой полоской, который делал её похожей на героиню старых голливудских фильмов. Она хотела, чтобы он увидел её и вспомнил, почему выбрал её.

Но Сергей не помнил. Или делал вид, что не помнит. Она не знала, что хуже.

В одиннадцать она пошла на совещание. Сидела в конференц-зале, кивала, делала пометки в блокноте, но ни одно слово не задерживалось в голове. Коллеги обсуждали квартальные показатели, стратегию развития, новые рынки. Она смотрела на их лица и думала о том, что они все такие же, как она, — играют роли успешных людей, за фасадами которых прячутся разбитые надежды и несбывшиеся мечты.

— Снежана Сергеевна, вы согласны?

Она моргнула. На неё смотрели десять пар глаз.

— Прошу прощения, задумалась. Повторите вопрос.

— Мы говорили о кураторстве португальского проекта.

Вы готовы взять на себя эту ответственность?

Снежана помолчала. Ещё месяц назад она ответила бы «да» не раздумывая. Это был её проект, её победа, её шанс подняться ещё на одну ступень в карьерной лестнице. Но сейчас ей казалось, что если она скажет «да», то навсегда останется в этом бесконечном круге работы, командировок, пустых квартир и чужих шарфиков в карманах.

— Дайте подумать до завтра, — сказала она.

Коллеги переглянулись. Снежана Сергеевна никогда не просила времени подумать. Снежана Сергеевна всегда знала ответ.

После совещания она вернулась в кабинет и закрыла дверь. Сорок семь писем превратились в шестьдесят три. Она начала разбирать их механически, отвечая одно за другим, когда в дверь постучали.

— Войдите, — сказала она, не поднимая головы.

Дверь открылась, и она почувствовала запах цитрусов. Лёгкий, свежий, такой знакомый, что у неё перехватило дыхание.

— Привет, Снежка.

Она подняла глаза. Денис стоял на пороге с большой коробкой в руках, перевязанной белой ленточкой. На нём был тёмно-синий свитер, джинсы, кроссовки — совсем не офисный вид, но на нём это смотрелось органично. Он улыбался, и от этой улыбки вдруг стало светлее, даже несмотря на серое небо за окном.

— Денис? Что ты здесь делаешь?

— Проезжал мимо, — он вошёл, закрыл за собой дверь.

— Думал, может, ты голодная. А тут — бах! — и я в кондитерской, и мне говорят: «У нас сегодня свежая выпечка». Ну я и... — он поставил коробку на её стол. — Твои любимые. Эклеры с солёной карамелью.

Снежана посмотрела на коробку, потом на Дениса. Он смотрел на неё с лёгкой тревогой, как будто боялся, что она откажется.

— Ты специально приехал? — спросила она.

— Нет, — слишком быстро ответил он. — Я был в районе. У меня встреча с поставщиками через дорогу. А потом вспомнил, что ты сегодня с утра на совещании, и подумал: «Снежка наверняка забыла позавтракать, надо её подкормить».

Снежана невольно улыбнулась. Денис знал её привычки лучше, чем она сама. Знал, что перед важными встречами она не ест, что любит эклеры с солёной карамелью, что в понедельник у неё всегда много дел. Он помнил. В отличие от...

Она отогнала эту мысль.

— Ты прав, — сказала она. — Я не завтракала.

— Вот видишь! — он пододвинул коробку ближе. — Открывай. Я их сам выбирал.

Снежана развязала ленту, открыла коробку. Внутри лежали шесть идеальных эклеров — полированная глазурь, аккуратные завитки крема. От них пахло ванилью, карамелью и

чем-то ещё, что она не могла определить, но что вызывало в ней желание улыбаться.

— Ты только посмотри на них, — сказала она. — Это произведение искусства.

— Я знаю. Я в кондитерской чуть не купил всё, что было. Продавщица сказала: «Мужчина, вы кого-то любите?» А я сказал: «Люблю. Она очень вкусно ест».

Снежана рассмеялась — первый раз за весь день. Смех получился коротким, но настоящим, и Денис, услышав его, просиял.

— Вот, — сказал он. — Это я и хотел услышать.

— Что?

— Твой смех. А то ты в последнее время ходишь как... ну, сама знаешь.

Она не стала спрашивать, как именно она ходит. Она знала.

Денис достал из кармана что-то маленькое и положил на стол рядом с коробкой.

— Это тебе, — сказал он.

Снежана взяла предмет в руки. Это был брелок — маленький, смешной, похожий на лисёнка с огромными глазами и пушистым хвостом.

— Что это? — спросила она.

— Это Фенек, — объяснил Денис. — Такая лисичка из пустыни. У них огромные уши, чтобы слышать всё, что происходит вокруг. Я подумал, тебе пригодится. Чтобы слышать

свой внутренний голос. А то ты его в последнее время заглушаешь.

Снежана посмотрела на брелок. У лисёнка были смешные, непропорционально большие уши и очень внимательные глаза. Почему-то она вспомнила Катю, которая говорила: «Ты не слушаешь себя». И Дениса, который говорил: «Ты врёшь себе».

— Зачем ты это делаешь? — спросила она тихо.

— Что делаю?

— Приносишь пирожные. Даришь брелоки. Запоминаешь, что я люблю. Зачем?

Денис помолчал. Его лицо стало серьёзным, и в глазах появилось что-то, от чего у неё замерло сердце.

— Потому что кто-то должен, — сказал он просто. — Потому что я хочу, чтобы ты знала: есть человек, который думает о тебе. Не потому, что ты начальник отдела или девушка Сергея. А потому, что ты — это ты. Снежка. Моя Снежка. «Моя».

Это слово повисло в воздухе, как капля, готовая упасть. Снежана смотрела на Дениса, и в груди разливалось тепло, которое она не хотела замечать. Не имела права замечать.

— Спасибо, — сказала она, отводя взгляд. — Это очень... мило.

— Мило, — повторил Денис, и в его голосе мелькнула горечь. — Ладно, мне пора. Встреча через пятнадцать минут. Ешь пирожные. Не голодай. И повесь брелок на сумку. Он

приносит удачу.

Он повернулся, чтобы уйти, но на пороге замер.

— Снежка, — сказал он, не оборачиваясь. — Ты сегодня какая-то... не такая. Всё в порядке?

Она хотела сказать «да». Хотела улыбнуться и сказать, что всё хорошо, что она просто устала, что ничего не случилось. Но слова застряли в горле.

— Сегодня годовщина, — сказала она тихо.

Денис обернулся.

— Годовщина?

— Два года, как мы с Сергеем живём вместе.

Он молчал. Смотрел на неё, и в его взгляде она читала всё — понимание, боль, надежду, которую он так старательно прятал.

— Он помнит? — спросил Денис.

Снежана покачала головой.

— Он в командировке был. Вернулся сегодня утром. Не позддравил.

— А ты напомнила?

— Я не должна напоминать, — в её голосе прорвалась горечь. — Годовщина — это не встреча с зубным, чтобы о ней напоминали.

Денис сделал шаг обратно в кабинет.

— Снежка...

— Не надо, — она подняла руку, останавливая его. — Не надо меня жалеть. Я справлюсь.

— Я и не жалею. Я просто хочу сказать: ты заслуживаешь, чтобы тебя помнили. Чтобы твою годовщину не записывали в календарь напоминаний, а носили в сердце. Ты заслуживаешь...

— Денис, пожалуйста, — она почти умоляла. — Не сейчас.

Он замолчал. Сделал глубокий вдох, как будто собирался с силами.

— Хорошо, — сказал он. — Не сейчас. Но запомни: ты всегда можешь мне позвонить. В любое время. Даже если просто захочешь, чтобы кто-то сказал: «Ты справишься».

Он вышел, закрыв за собой дверь, а Снежана осталась сидеть, глядя на коробку с эклерами и маленького лисёнка с огромными ушами.

Она взяла брелок, поднесла к лицу. Фенек смотрел на неё внимательно, почти серьёзно, и ей показалось, что это Денис смотрит на неё этими смешными глазами и говорит: «Слышишь меня? Слышишь себя?»

Она повесила брелок на сумку, взяла эклер и откусила маленький кусочек. Солёная карамель растаяла на языке, и на секунду мир стал чуточку добрее.

Она продержалась до шести. Разобрала почту, ответила на звонки, подготовила документы для завтрашней встречи. Работа шла, мысли были заняты, и только иногда, когда она смотрела на сумку с висящим на ней лисёнком, внутри что-то тёплое и тревожное напоминало о себе.

Домой она приехала в половине седьмого. Квартира встретила её светом — горела люстра в гостиной, на кухне работал телевизор. Сергей вернулся.

Она прошла в гостиную. Он сидел в кресле с ноутбуком на коленях, в очках для чтения, которые надевал только дома. Увидев её, поднял голову и улыбнулся — той самой дежурной улыбкой, которая ничего не выражала.

— Привет, — сказал он. — Как день?

— Нормально, — она села на диван напротив. — А твой?

— Устал. Переговоры затянулись. Китайцы опять меняют условия.

Она смотрела на него и ждала. Ждала, что он вспомнит. Ждала, что в его глазах мелькнёт хоть что-то, кроме усталости.

Он не вспоминал.

— Ты голодна? — спросил он, не отрываясь от экрана. — Я заказал суши, должны привезти через полчаса.

— Я не голодна, — сказала она.

— Как хочешь.

Он снова уставился в ноутбук. Снежана сидела напротив, сжимая в руках сумку с лисёнком, и чувствовала, как внутри растёт что-то большое, тяжёлое, невыносимое.

— Серёж, — сказала она.

— Мгм?

— Ты помнишь, какой сегодня день?

Он поднял голову. В его взгляде мелькнуло недоумение.

— Среда? — спросил он.

— Нет. Сегодня не среда.

— Тогда что?

Она смотрела на него и ждала. Ждала, пока в его глазах зажёётся узнавание. Ждала, пока он скажет: «О, точно! Годовщина! Прости, я забыл».

Но он не говорил. Он смотрел на неё с лёгким раздражением, как будто она задавала ему загадку, на которую у него не было времени отвечать.

— Четырнадцатое октября, — сказала она наконец. — Два года, как мы съехались.

Лицо Сергея изменилось. На секунду в его глазах мелькнуло что-то — вина? Сожаление? — но он быстро взял себя в руки.

— А, точно, — сказал он, и в его голосе не было того тепла, которого она ждала. — Поздравляю.

«Поздравляю». Не «нас», не «нас с тобой». Просто «поздравляю». Как будто это было моё достижение, а не общее.

— Ты забыл, — сказала она, и это был не вопрос.

— Снежана, я вернулся сегодня утром после трёх дней переговоров. У меня в голове контракты, цифры, сроки. Я не могу держать в голове все даты.

— Все даты? — её голос дрогнул. — Два года, Серёжа. Два года, как мы вместе. Это не «дата», это наша жизнь.

— Не драматизируй, — он закрыл ноутбук и снял очки. — Это всего лишь день. Мы можем отметить в выходные.

Сходим в ресторан, выпьем вина. В чём проблема?

— В том, что ты не помнишь! — она повысила голос, сама не ожидая от себя этого. — Ты не помнишь, когда мы познакомились. Ты не помнишь нашу годовщину. Ты не помнишь, когда у меня важные встречи. Ты вообще что-нибудь помнишь обо мне?

— Снежана, — в его голосе появились стальные нотки. — Я устал. Я не хочу ссориться.

— А я хочу? Ты думаешь, я хочу?

— Тогда что ты хочешь?

— Я хочу, чтобы ты меня видел! — вырвалось у неё. — Я хочу, чтобы ты замечал, когда я рядом. Я хочу, чтобы ты помнил о нас. Я хочу...

— Что? — он встал, и она увидела, как его лицо застывает, превращаясь в маску холодного спокойствия. — Что ты хочешь, Снежана? Чтобы я бросил работу ради того, чтобы носить тебя на руках? Чтобы я каждый день говорил, какая ты прекрасная? Это не жизнь. Это сказки.

— А что тогда жизнь? — она тоже встала. — Бесконечные командировки? Чужие шарфики в карманах?

Она сказала это, прежде чем успела подумать. Слова вырвались наружу, как воздух из прорванного шара, и повисли в комнате, тяжёлые, необратимые.

Сергей замер. Его глаза сузились.

— Какие шарфики? — спросил он очень тихо.

Снежана почувствовала, как сердце уходит в пятки. Она

не хотела этого говорить. Не сейчас. Не так.

— Я нашла шарфик в кармане твоего пиджака, — сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Женский. Бирюзовый.

Сергей смотрел на неё несколько секунд, и в его взгляде мелькнуло что-то, что она не смогла прочитать. Потом он рассмеялся. Коротко, сухо, без веселья.

— Ты рылась в моих карманах? — спросил он.

— Я наводила порядок.

— Ты наводила порядок в моём шкафу и рылась в моих карманах.

— Я случайно нашла.

— Случайно, — повторил он. — Конечно. А что ты ещё случайно нашла? Может быть, мои старые дневники? Переписку с коллегами?

— Сергей, не переводи стрелки. Я спрашиваю про шарфик.

— Это подарок для секретарши, — сказал он. — У неё скоро день рождения, я купил, чтобы не забыть. Положил в карман и забыл.

Снежана смотрела на него. Объяснение было идеальным. Логичным, рациональным, таким, которое она сама придумала в тот день, когда нашла шарфик. Но почему-то сейчас, услышав его от Сергея, она не почувствовала облегчения.

— Ты никогда не даришь подарки лично, — сказала она. — У тебя для этого есть помощник.

— Иногда я делаю исключения, — его голос стал ледяным. — Но, видимо, зря. Теперь я должен отчитываться перед тобой за каждый подарок?

— Я не прошу отчитываться. Я прошу объяснить.

— Я объяснил. Ты не веришь?

Она молчала. Потому что не знала, верит ли.

Сергей подошёл ближе, и она почувствовала запах его парфюма — тяжёлый, древесный, который раньше казался ей мужественным, а теперь давил на лёгкие.

— Ты стала такой нервной в последнее время, — сказал он, глядя на неё сверху вниз. — Срываешься на пустом месте. Придумываешь то, чего нет. Может быть, тебе стоит сходиться к психологу?

Слова упали, как пощёчина. Снежана отшатнулась, чувствуя, как лицо заливается краской — не от стыда, от унижения. Он предлагал ей психолога. Он делал её проблемой. Он превращал её боль в её же недостаток.

— Ты серьёзно? — спросила она, и голос её дрожал.

— Абсолютно, — он говорил спокойно, как врач, ставящий диагноз. — Ты слишком много работаешь, мало отдыхаешь, у тебя накопилось напряжение. Это нормально — обратиться к специалисту. Я могу посоветовать хорошего.

— Мне не нужен психолог, — сказала она, и в голосе её зазвенела сталь. — Мне нужен мужчина, который помнит, что у нас сегодня годовщина. Который не носит в кармане чужих вещей. Который не предлагает мне психолога, когда

я пытаюсь с ним поговорить.

— Я предлагаю тебе помощь, — он повысил голос. — А ты раздуваешь из мухи слона. Шарфик, годовщина — это всё мелочи, Снежана. Взрослые люди не ссорятся из-за таких мелочей.

— Может быть, потому что взрослые люди разучились чувствовать? — она уже почти кричала. — Может быть, потому что взрослые люди превратили жизнь в график встреч и списки задач, забыв, что есть что-то, что нельзя запланировать?

— Что, например?

— Любовь, — сказала она тихо. — Внимание. Способность быть рядом не физически, а по-настоящему.

Сергей посмотрел на неё долгим взглядом, и в этом взгляде она не увидела ничего. Ни понимания, ни сожаления, ни даже злости. Только холодную, бесконечную усталость.

— Я не могу дать тебе того, что ты хочешь, — сказал он. — Не потому, что не хочу. Потому что не умею. Я такой, какой есть. Если тебе этого мало — может быть, нам стоит подумать...

Он не закончил. Но Снежана услышала. Услышала то, что он не сказал. «Может быть, нам стоит подумать о том, чтобы расстаться».

Она смотрела на него, и внутри всё рушилось — стены, которые она строила два года, надежды, которые она лелеяла, оправдания, которые она придумывала. Он не хотел с

ней ссориться. Он хотел, чтобы она исчезла. Или перестала требовать. Или стала удобной.

— Ты прав, — сказала она, и голос её был пустым. — Мне нужно подумать.

Она повернулась и вышла из гостиной, не оборачиваясь. Прошла в спальню, закрыла дверь и прислонилась к ней спиной.

Слёзы пришли не сразу. Сначала была пустота — огромная, холодная, как космос. А потом всё прорвалось: обида, боль, унижение, страх. Она сползла по двери на пол, обхватила колени руками и заплакала. Тихо, чтобы он не услышал. Чтобы не дать ему ещё одного повода сказать: «Ты такая нервная».

Она плакала о том, что потеряла себя. О том, что превратилась в женщину, которая роется в карманах, проверяет, помнит ли мужчина о годовщине, и готова поверить любой лжи, лишь бы не разрушать то, что и так уже разрушено.

Она плакала о Снежане, которая танцевала на стуле под «Отвёртку» и смеялась так, что её выгоняли из кафе. О той, которая верила в любовь, в страсть, в то, что можно быть счастливой. Та Снежана умерла где-то между командировками, годовщинами и чужими шарфиками в карманах.

Она не знала, сколько просидела на полу. Может быть, десять минут. Может быть, час. Слёзы высохли, оставив после себя только пустоту и тяжесть в груди. Она поднялась, подошла к зеркалу. На неё смотрела чужая женщина — красные

глаза, распухший нос, размазанная тушь. Женщина, которую предал мужчина, которого она любила. Которая позволила этому случиться.

Снежана умылась холодной водой, смыла остатки макияжа. Посмотрела на своё отражение. Без макияжа она выглядела моложе. И более уязвимой.

Телефон завибрировал. Она взяла его — сообщение от Дениса.

Денис: Как прошёл вечер? С годовщиной?

Она смотрела на экран, и слёзы снова подступили к глазам. Денис помнил. Денис, который не был её мужчиной, помнил о её годовщине больше, чем Сергей.

Она хотела ответить «всё хорошо». Хотела соврать, как врала всем последние месяцы. Но пальцы сами напечатали правду.

Снежана: Плохо. Он забыл. Мы поссорились.

Ответ пришёл через несколько секунд.

Денис: Ты где?

Снежана: Дома. В спальне.

Денис: Он рядом?

Снежана: В гостиной. Не хочет со мной разговаривать.

Денис: Ты плакала?

Она смотрела на этот вопрос, и внутри неё что-то оборвалось. Денис всегда знал. Всегда чувствовал. Всегда был рядом, даже когда она отталкивала его.

Снежана: Да.

Денис: Снежка, я могу приехать. Просто чтобы ты не была одна. Я посижу в машине, если хочешь. Или поднимусь и выгоню его из спальни. Скажи слово.

Она улыбнулась сквозь слёзы. Денис был готов приехать, даже когда она сказала, что всё плохо. Даже когда знал, что она, скорее всего, откажется. Он просто хотел, чтобы она знала: он рядом.

Снежана: Не надо. Я справлюсь.

Денис: Знаю. Но ты не обязана всегда справляться одна.

Она сжала телефон в руке. В коридоре слышались шаги — Сергей шёл в спальню. Она быстро набрала последнее сообщение.

Снежана: Спасибо. Правда. Ты не представляешь, как мне это важно.

Денис: Представляю. Потому что ты для меня важна. Всё.

Шаги затихли. Сергей не пошёл в спальню — свернул в кабинет. Снежана слышала, как закрылась дверь. Он не пришёл мириться. Не пришёл поговорить. Он просто ушёл в другую комнату, оставив её одну со своей болью.

Она легла на кровать, свернулась калачиком и уставилась в стену. На тумбочке стояла рамка с их совместной фотографией — Лиссабон, первый совместный отпуск, они оба смеются, Сергей обнимает её за плечи. Тогда ей казалось, что это навсегда. Что смех, и солнце, и его рука на её плече — это и есть счастье.

Теперь она смотрела на эту фотографию и не узнавала ни

его, ни себя.

Она взяла телефон, открыла чат с Денисом. Перечитала его сообщения. «Ты заслуживаешь, чтобы тебя помнили». «Ты не обязана всегда справляться одна». «Ты для меня важна».

Сердце билось неровно, в груди было тепло, и она знала, что это тепло — опасное. Что оно может согреть, а может обжечь. Что если она позволит себе почувствовать его слишком сильно, то уже не сможет вернуться к тому, что было.

Но, может быть, она и не хотела возвращаться.

Снежана закрыла глаза и представила, что она не в этой спальне, не в этой квартире, не с этим мужчиной. Что она в другом месте, с другим человеком. С тем, кто помнит. Кто видит. Кто не говорит: «Сходи к психологу», когда она плачет.

Она заснула с телефоном в руке, и ей снился Денис. Он не говорил ничего важного, просто сидел рядом и держал её за руку, и от этого было спокойно, как давно не было.

А утром она проснулась одна. Сергей уже ушёл на работу, оставив на тумбочке записку.

«Извини за вчерашнее. Вечером поговорим».

Снежана посмотрела на записку, потом на свою сумку, на которой висел маленький лисёнок с огромными ушами. Она взяла брелок, поднесла к лицу.

«Слышишь себя?» — спросил её внутренний голос голосом Дениса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.